

В субботу вечером

ЕГО ИМЯ — среди десяти наиболее популярных имен киноактеров страны. Не затрудняя память, назовем лишь некоторые киноленты, в которых талант Миронова проявился с особым блеском — «Двенадцать стульев», «Достояние республики», «Бриллиантовая рука», «Фантазии Фарятьева» и многие другие.

А сколько сыграно Андреем Мироновым прекрасных театральных ролей! Мы не устаем открывать для себя все новые и новые грани артиста, и эта беседа с ним в какой-то степени, возможно, поможет дополнить его образ.

— Андрей Александрович, когда снимался фильм «Волга-Волга», нас с вами не было еще на свете... Не повлият ли на вашу творческую биографию тот фант, что в этой кинокомедии роль секретарши бюрократа Бывалова исполнила ваша мать — Мария Владимировна Миронова?

— Как я понимаю, вопрос касается моей «генетической предрасположенности» к кинематографу. Честно признаюсь: у нас в доме всегда царил атмосфера предощущения театрального действия. Мои родители, будучи актерами, нередко на моих глазах разыгрывали сцены и скетчи, обсуждали свои профессиональные проблемы, что, разумеется, не могло остаться незамеченным.

Постоянными гостями нашего дома были люди искусства, литературы, живописи. Я хорошо помню Михаила Михайловича Зощенко, у нас в доме часто гостили Ливанов, Мансурова, Рубен, Симонов, Завадский, Марецкая... Да и можно ли называть все имена «сильных театра сего», с которыми мне как члену театральной семьи приходилось общаться? Леонид Утесов, когда вышла книга его воспоминаний, сделал на ней такую надпись: «Дорогой Андрей Миронов, помню тебя, маленького мальчика — вижу большого артистом. Радуюсь! Твой дядя Лёня, в миру — Утесов». (Смеется). Что касается прогноза, содержащегося в этой надписи, то Леонид Осипович, по своей душевой щедрости, явно переборщил с определением...

— Существует ли для вас такая мерка, которой можно было бы измерить понятие «большой артист»?

— Да, такая мерка — искусство Михаила Ульянова, Иннокентия Смоктуновского...

— Есть категория людей, как черт лада на боящихся рутины. Они все время ищут для себя новых проявлений в смежных областях. Вы сами, насколько мне известно, еще в 1979 году собирались дебютировать в качестве театрального режиссера.

Я, действительно, поставил на сцене Театра сатиры три пьесы. Одну из них — «Маленькие комедии большого дома» — мы делали вместе с Александром Ширвиндтом. Спектакль по пьесе Григория Горина «Феномены» и пьеса Островского «Бешеные деньги» идут в театре в моей постановке. И довольно часто.

Когда выступаешь в качестве актера, отвечаешь только за свою роль, за свою линию в спектакле. А став режиссером, обязан уже «держаться в руках» многие линии и коллизии и направлять их в русло общего замысла. Это чрезвычайно трудно и чрезвычайно ответственно. Артист, пробуя стать режиссером, должен прежде всего быть лидером коллектива.

В какой-то степени мне повезло: сравнительно легко я нашел контакты с товарищами по сцене. А надо заметить, все они люди довольно

серьезные, самостоятельные, заслуженные и даже... народные. Среди них — Менглет, Аросева, Ткачук, Державин. Они в меня поверили — что и дало жизнь моим постановкам.

— Неудовлетворенностью достигнутым или же стремлением играть разноплановые

роль, но при этом нельзя кидаться в крайность — умалить достоинства того же мюзик-холла, эстрадной программы, веселой песни... Эти жанры отнюдь не второго сорта — их можно плохо или хорошо написать и плохо или хорошо воспроизвести.

Когда критики говорят, что Миронов-де не может оторваться от мюзик-холльного ампула, это значит, что свои утверждения они основывают исключительно на вещах, наиболее близких к водевиллю — «Соломенная шляпка», например, или же «Мадемуазель Нитуш». И я от этого не открещиваюсь и

Девяносто минут в компании Андрея Миронова

роли можно объяснить тот фант, что кроме Театра сатиры вы еще играете в Театре на Малой Бронной — в пьесе «Окончание Дон Жуана»?

— Да, играю. Дело в том, что я очень ценю творчество режиссера Эфроса. Впервые я начал с ним сотрудничать на телевидении и, разумеется, вкусив его метод, захотелось под его руководством попробовать себя в театре. Эта театральная «рокировка» (разумеется, не в ущерб Театру сатиры) очень обогащает меня в профессиональном плане. В пьесах Эфроса легко прослеживается поиск очень точной жизненной правды. А ведь мы знаем, что нередко на сцене бывает имитация ее, бледная копия жизни, и в малой степени не одухотворенная художественностью. Согласитесь, иногда полезно для души перейти от чтения «Двенадцати стульев», скажем, к роману «Сага о Форсайтах» или же к «Евгению Онегину». Нельзя «зацикливаться» на чем-то одном — однобокость ведет к однообразию, творческой опустошенности...

— Тут, по-моему, самое время коснуться пресловутой проблемы ампула. В печати были высказывания, что, дескать, Андрей Миронов не в состоянии оторваться от своего мюзик-холльного ампула. Как зритель, могу засвидетельствовать, что подобные утверждения не более чем желание навести тень на плетень. Достаточно вспомнить вашу сильную драматическую роль в спектакле А. Штейна «У времени в плену».

— Здесь я должен поделиться одним своим наблюдением: далеко не любой драматический спектакль вызывает у зрителя восторг и признание. И даже «хорошая» драма не вызывает такого обостренного интереса, каким бывают встречены сатирический фильм, веселый мюзикл, водевиль... Я категорически против того, чтобы слово мюзик-холл причисляли к ругательным словам. Нет, нет и нет! Философ сказал, что человек получает удовольствие от новизны, контрастности, разнообразия. А раз это так, то не глупо ли создавать прокрустово ложе для жанров и ампула? Великое и прекрасное — вот две вершины, к которым стремится художник. На них, конечно, надо ориенти-

дую, что и впредь буду выступать в этом жанре. Но я также играл в фильмах «Фантазии Фарятьева», «Достояние республики», в спектаклях — «У времени в плену», «Горе от ума», «Доходное место», «Клоп», «Баня» и так далее. Можно ли все эти вещи уравнивать с мюзик-холльным ампула?

— В известном фильме «Приключения итальянцев в России» вы снимались без каскадеров — на ходу вскакивали в машину, прыгали с разведенного моста, входили в клетку со львом... Есть ли у вас такие роли сейчас и силы, чтобы играть их без дублеров?

— Если актер играет без дублеров, значит движет им некое эгонистическое стремление играть свою роль «от и до». Это всегда тешит самолюбие актера и дает ему дополнительный импульс. В ленте «Приключения итальянцев...» было занято много итальянцев и в их глазах не хотелось ронять престиж советского кинематографа...

В недавно снятой картине «Сказка странствий» я тоже, хотя и не во всех эпизодах, играю без дублеров. Что же касается моих сил... Передать читателям, что артист Миронов находится в отличном здравии, в чем, кстати, не последнюю роль сыграл юрмальский санаторий «Яункемери». В нем я отдыхаю почти каждое лето...

— Андрей Александрович, одиннадцать лет назад в интервью, данном газете «Советская молодежь», вы рассказали о своих привязанностях. Тогда вашей любимой книжкой был роман Марнесса «Сто лет одиночества», любимым спектаклем — «А зори здесь тихие», любимым актером — Смоктуновский. Произошли ли с тех пор в этой шпале симпатий какие-либо изменения?

— Я до сих пор считаю, что «Сто лет одиночества» — великая книга. Добавьте к этому роман Рыбакова «Тяжелый песок» и все без исключения произведения Юрия Трифонова. Что же касается спектакля... (Миронов делает длинную паузу). С годами конкретность в оценке уходит и сегодня я могу назвать сразу несколько имен симпатичных мне актеров — Ульянов, Ефремов, Гурченко, Папанов, Фрейдлих, Калягин, Янковский...

— Спасибо за беседу.

А. Ольбик.